

Россинская Светлана Владимировна, заведующая библиотекой «Фолиант» МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация» e-mail: rossinskiye@gmail.com

ВЛАДИМИР НАБОКОВ: МЕНЯ У МЕНЯ НЕ ОТНИМЕТ НИКТО!

Литературное расследование в Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки Фолиант МУК ТБК в связи с 1...- летием со дня рождения писателя

29 апреля 20... года к 1...- летию со дня рождения Владимира Набокова (1899-1977), русско-американского писателя, переводчика и литературоведа, в *Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки Фолиант МБУК ТБК* состоялось небольшое литературное расследование его жизни и творчества. Тема для обсуждения звучала так **«Владимир Набоков: Имеет ли право гений потакать праздному желанию многих?»**

Красавец- аристократ, освоивший английский язык раньше русского и до конца жизни говоривший по-русски с легким акцентом. Единственный в XX веке двуязычный классик мировой литературы. Непревзойденный мастер словесного искусства, которое он сам называл ворожкой. Одиноким гением, не признававшим ни предшественников, ни последователей. Знаток и любитель бабочек, шахмат и тенниса.

Блестящий ум и превосходное чувство юмора позволили Набокову стать отличным писателем. Характерной особенностью его произведений были не столько живость образов, идей и закрученность сюжета, сколько виртуозное владение английским - языком для него неродным.

Вот как Набоков говорил о себе сам: *«Я - американский писатель, рождённый в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию. ...Моя голова разговаривает по-английски, моё сердце - по-русски, и моё ухо - по-французски.»*

В годы официального торжества социалистического реализма Набоков, как и другие писатели русского зарубежья, был запрещен, и каждая его строка, чудом доходившая до нас, становилась подарком.

«Навсегда я готов затаиться и без имени жить. Я готов, чтоб с тобой и во снах не сходитьсь, отказаться от всяческих снов; обескровить себя, искалечить, не касаться любимейших книг, променять на любое наречье все, что есть у меня, - мой язык.»

Люди старшего поколения еще хорошо помнят сильное впечатление от его стихов **«К России»**, которые почти мистически перекликались со строками тоже в то время запрещенной **Марины Цветаевой**: *«Не обольщусь и языком родным, его призывом млечным. Мне безразлично - на каком непонимаемой быть встречным!»* А потом впечатление стало размываться, раздваиваться, и Набоков обернулся загадкой, до сих пор не разгаданной.

Я прониклась симпатией к Набокову задолго до первой прочитанной страницы, заочно - по названиям. Мне нравится нежное ласкательное название **«Машенька»**, интригующее - **«Камера обскура»**, волшебное уменьшительное имя **«Лолита»** от полного «Долорес».

Карточное сочетание **«Король, дама, валет»** ассоциируется с пушкинскими **«Тройка, семёрка, туз»**. Сочетание двух, пусть и карточных, но мужчин и одной роковой дамы - это другой вид игры, из тех в которые играют люди - тут они сами являются картами в колоде. И раздающий (в данном случае автор) может перемешать по своему желанию. Он же и правила устанавливает, и счастливым случаем спасает от уже, казалось, неминуемого провала. Он же и решит, кто победит: старшая карта или неожиданный козырь.

Как Набокову удалось проработать, прописать весь тот миллион деталей, на которых спотыкаются и в которых вязнут люди без должной сноровки? Бриллиантовая ласточка из поезда и твёрдая головка запонки, которая казалась Францу единственным доказательством его бытия.... Ну, кто ещё опишет героя так незаштампованно, глубоко и

проникающе? Эта маленькая запонка не просто западает в память, она тут же метафорически обобщает внутреннее состояние персонажа.

...Время шло, и Набоков возвращался в Россию, не переставая изумлять.

«*Вы умрете в страшных мучениях и совершенном одиночестве*», - говорил Владимиру Набокову **Иван Бунин**. Почему он так считал?

Давайте, посмотрим отрывки из документального фильма «*Владимир Набоков. Русские корни*», полистаем книги у книжной выставки «**Феномен Набокова**», почитаем чуть больше об отношениях Набокова и его жены **Веры Слоним**, послушаем в записи стихотворение «*Когда захочешь, я уйду*», рассказы «*Со дна коробки*» и «*Прозрачные предметы*», а также отрывок на английском языке из лекции «*К моей юности*». Вместе поразмышляем о причинах извечного одиночества писателя и попробуем выяснить, можно ли считать его учителем жизни?

Итак.

Его даты

Набоков родился 22 апреля 1899 года в столице Российской империи Санкт-Петербурге в знатной и богатой семье потомственного дворянина, крупного юриста Владимира Дмитриевича Набокова.

В насыщенном событиями 1917 году его отец недолгое время входил в число министров правительства Керенского, а когда к власти в стране пришли большевики, Набоковы были вынуждены в 1919-м году эмигрировать.

В том же году Владимир поступил в Кембриджский университет и окончил его в 1922 году. В марте того же года в Берлине во время покушения на главу партии кадетов Павла Милюкова погиб отец Набокова, заслонивший Милюкова от пули террориста-монархиста.

Двадцатые-тридцатые годы Набоков провел в Берлине. Под псевдонимом Сирин публикует романы «*Машенька*», «*Защита Лужина*», «*Приглашение на казнь*», «*Дар*», «*Подвиг*» и др.

Позже переезжает во Францию, живет в Париже. В 1940 году перебирается в США, преподает русскую литературу в университетах. Публикует на английском «*Лолиту*» - роман, принесший ему скандальную славу, эссе о Гоголе, «*Другие берега*».

В 1961 году вместе с женой переезжает в Швейцарию; переводит на русский «*Лолиту*», издает англоязычный перевод «*Евгения Онегина*». В 1969-м выходит его роман «*Ада*».

Скончался Владимир Набоков 2 июля 1977 года в возрасте 78 лет в Швейцарии.

Вовремя услышать свою судьбу

Рожденный в дворянской семье, он всегда помнил о своем происхождении и возвращался к своему детству как к источнику творчества и критерию жизненного поведения. «*Был я трудный, своенравный, до прекрасной крайности избалованный ребенок*», - признавался он.

И, говоря о «*первичных чувствах младенчества*», продолжал: «*Они принадлежат гармонии моего совершеннейшего, счастливейшего детства, – и в силу этой гармонии они с волшебной легкостью, сами по себе, без поэтического участия, откладываются в памяти сразу перебеленными черновиками*». Чистовиком стала полная достоинства жизнь «изгнанника из рая».

До переезда в Америку все свои романы на русском языке писатель публиковал под псевдонимом. Многие находили псевдоним Сирин претенциозным, но для Набокова он, судя по всему, имел глубокий смысл. В средневековой мифологии сирин - райская птица, образ которой восходит к древнегреческим сиренам. В русских духовных стихах сирин, спускаясь из рая на землю, зачаровывает людей своим пением.

В западноевропейских легендах сириин - воплощение несчастной души. В судьбе Набокова-Сирина удивительно соединились эти смыслы.

Через все русскоязычные романы Набокова как лейтмотив проходит тема изгнания из рая - в гораздо более глубоком смысле, чем эмиграция. Это и ностальгия по оставленной России, и отрыв от семейных корней, но при этом и знак избранничества, ибо не всякий побывал в том раю.

«Ощущение предельной беззаботности, благоденствия, густого летнего тепла затопляет память и образует такую сверкающую действительность, что по сравнению с нею паркерово перо в моей руке и самая рука кажутся мне довольно аляповатым обманом».

Глубокая психическая травма не сломала Набокова, но стала источником его вдохновения. *«Потеря родины оставалась для меня равнозначной потере возлюбленной, пока писание не утолило томления».*

Нет в мире ни одного человека, говорящего на моем языке

Владимир Набоков перевел на английский язык *«Слово о полку Игореве»*, опубликовал множество романов, из которых наибольшую известность получили те, что были написаны на русском языке (*«Камера обскура»*, *«Дар»*), а из созданных на английском - *«Лолита»*, *«Пнин»* и книга мемуаров *«Другие берега»*.

Для нас драгоценнее всего его исповедальные романы, в которых набоковское «Я» проявилось с наибольшей силой. Решительно все герои Набокова, как и сам автор, - убежденные индивидуалисты. Поразительно, но, всю жизнь почитавший **Пушкина**, а стихотворчеству учившийся у **Волошина**, Набоков воспринял у них все что угодно, но только не культ дружбы.

...Наверное, мне не слишком повезло, так как одним из первых романов Набокова, которые я прочитала еще в студенчестве, стал роман *«Дар»*. Было почти невозможно совместить волшебные по художественному мастерству лирические признания героя и злое глумление над Чернышевским, а походя и над Достоевским и другими героями той эпохи.

По материалам документального сборника *«Strong Opinions»* поклонники Набокова составили список отзывов писателя на известные книги - как восторженных, так и резко негативных. Пары цитат из списка достаточно, чтобы спровоцировать полемику практически в любом кружке книголюбов - писатель прошелся с едкими комментариями по многим признанным шедеврам русской и зарубежной литературы.

По поводу **Гоголя** Набоков высказывался неоднозначно: *«В его наилучших произведениях - во всей этой украинской чепухе - он никудышный автор, в лучших - он бесподобен».* Но в отношении к раннему творчеству Гоголя писатель абсолютно непримирим: *«Когда я хочу, чтобы мне приснился настоящий кошмар, я представляю себе Гоголя, строчащего на малороссийском том за томом «Диканьки» и «Миргорода»: о призраках, которые бродят по берегу Днепра, водевильных евреях и лихих казаках».*

Кроме того, Набоков признавался, что был *«расстроен и озадачен его неспособностью описывать молодых женщин».*

Несмотря на то, что Набоков высоко оценил *«Старика и море»* и некоторые рассказы **Хэмингуэя**, он называл его *«писателем книг для мальчишек»*, *«безнадежно незрелым».* Особое пренебрежение Набокова почему-то заслужил роман *«По ком звонит колокол»*.

«Ничтожество, абсолютно ничего не значит для меня», - так Набоков отозвался об **Уильяме Фолкнере**, авторе романа *«Шум и ярость»*. Впрочем, именно обилие негатива в отзыве заставляет усомниться в сказанном - видимо, его творчество все-таки сильно тревожило Набокова.

«Жалкая вещь, топорная, тривиальная, мелодраматическая, с избитыми

ситуациями и банальными совпадениями», - так отзывался недооцененный Нобелевским комитетом Набоков о романе *«Доктор Живаго»*, за который **Пастернак** получил премию. Зато он признавал поэтический дар соперника, отмечая, впрочем: *«Синтаксис у него какой-то развратный»*.

Экзистенциалисты не заслужили одобрения Набокова - **Жан-Поль Сартр**, по его мнению, *«даже хуже, чем Камю»*. А творчество Камю Набоков находил отвратительным. *«Тошноту»* Сартра писатель невзлюбил за *«драматичную на первый взгляд, но на самом деле очень расхлябанную манеру письма»*.

Любовь к **Шопенгауэру** не помешала Набокову возненавидеть вдохновлявшегося его философией Фрейда, которого он считал посмешищем. *«Фрейдистская интерпретация снов - шарлатанство и сатанинский бред»*, - припечатал он психоаналитика и его труд *«Толкование сновидений»*.

В своем интервью BBC Набоков причислил **Сомерсета Моэма**, автора романа *«Луна и грош»*, к заурядным писателям, имитирующим реалистичность с помощью банальностей. Похожих характеристик также удостоились **Бальзак**, **Голсуорси** и **Драйзер**.

Набоков находил роман о странном идалго **Мигеля де Сервантеса** очень переоцененной, *«жестоккой и грубой старой книгой»*, что не помешало ему написать в Гарварде целый курс лекций о Сервантесе. Впрочем, в буквальном смысле разодрав томик *«Дон Кихота»* на куски на одной из лекций, Набоков пришел к неожиданным для самого себя выводам и стал терпимее относиться к произведению.

Его принципиальное одиночество, доходившее до эгоцентризма, помешало ему признать в поэзии **Пастернака** и **Ахматову**, в прозе - **Платонова** и **Булгакова**, в жизни - кого бы то ни было из собственного окружения: *«Нет в мире ни одного человека, говорящего на моем языке»*.

Горестным авторским признанием звучат слова Цинцинната из *«Приглашения на казнь»*: *«Как мне страшно. Как мне тошно. Но меня у меня не отнимет никто»*.

Вера Слоним - радости синоним

Познакомились они при загадочных обстоятельствах. Первая версия, набоковская: *«Я познакомился с моей женой, Верой Слоним, на одном из эмигрантских благотворительных балов в Берлине, на этих балах русские девушки традиционно торговали пуншем, книгами, цветами и игрушками»*.

На балу она была в черной маске с волчьим профилем. Загадочная дама увлекла Сирина в ночной город на прогулку. Маску снять отказалась, вроде бы для того, чтобы Набоков внимательно усвоил то, что она говорит, а не отвлекался на ее красоту. Набоков усвоил, потому что говорила она о его творчестве.

Внимание к своей персоне со стороны прекрасной незнакомки не могло не польстить юному Сирину. Благодарный, он написал стихотворение *«Встреча»* о романтической прогулке и маске.

Встреча

И странной близостью закованный...

А. Блок

Тоска, и тайна, и услада...
Как бы из зыбкой черноты
Медлительного маскарада
На смутный мост явилась ты.
И ночь текла, иплыли молча
В ее атласные струи
Той черной маски профиль волчий
И губы нежные твои.
...Тоска, и тайна, и услада,

И словно дальняя мольба...
Еще душе скитаться надо.
Но если ты - моя судьба...

Стихотворение было напечатано. Увидев его, Вера назначила свидание. Впоследствии она постоянно ускользала от него, оставляя неуловимый след, словно улыбку Чеширского кота.

Он писал ей - она отмалчивалась. Он был уязвлен и слал колкие депеши: *«Сперва я решил тебе послать просто чистый лист бумаги с вопросительным маленьким знаком посредине, но потом пожалел марку»*.

И все же изящному аристократичному писателю удалось растопить сердце красавицы: Вера стала его женой, его Музой и незаменимой помощницей. *«...Радости синоним, сияет солнце без конца, чертами своего лица напоминая Веру Слоним»*, - так писал о жене Набокова **Иосиф Бродский**.

Она махнула рукой на диплом Сорбонны, на прежние литературные успехи.

Возможно, дело в том, что Набоков насмеялся над женщинами-писательницами, называя их жалкой провинциальщиной, а она его любила. Служить Автору стало ее призванием. А как иначе? Ведь они так похожи, даже буквы для них окрашены в цвета. Это свойство - «цветной слух» - передалось и сыну **Дмитрию**. семья Набоковых была счастлива рассуждать, какого же цвета на самом деле буква «м» - розовая, голубая или клубничная. Впрочем, сама Вера не очень любила, когда ее муж говорил об этом посторонним.

Отец Веры, **Евсей Слоним**, был родом из небогатой семьи, изучал право, но адвокатом так и не стал - пятый пункт помешал. Но он стал крупным лесоторговцем, но в 1920 году вынужден был уехать из России, которой уже не были нужны толковые предприниматели. В Берлине он открыл издательство, выпускающее переводную литературу. Вера помогала отцу в этом, пока инфляция не снесла все его успешные начинания.

Все три дочери Евсея получили прекрасное образование. Вера, средняя, читала с трех лет и обладала уникальной памятью. Позже она станет «памятью Набокова», который частенько забывал и цитаты, и даже собственные тексты: Вера тут же подсказывала мужу и могла свободно цитировать огромные куски из его романов. Так же она знала наизусть «Евгения Онегина».

«Жесткий диск» ее памяти, хранившийся в прекрасной головке, выдавал Набокову ценные сведения из глубины совместно прожитых лет: вроде цвета куртки, которую носил их сын Митя в трехлетнем возрасте.

Пятый пункт

Женитьба на еврейке была для Набокова концептуальным поступком. Его отец погиб от руки экстремистов-черносотенцев, а до своей смерти всю жизнь боролся против юдофобии. В этом сын шел по стопам отца. Бывали случаи, когда он просто выходил из комнаты, оборвав собеседника на середине фразы, содержащей антиеврейский намек.

Иногда доходило до абсурда. Однажды писатель с женой отправились отдыхать на юг Франции. Там, в маленькой гостинице, которую держал отставной русский генерал, Набокову почудился дух антисемитизма. Несколько дней подряд он читал лекции генералу о значении евреев в русской жизни. После чего при упоминании самим Набоковым имени **Андре Жид** генерал строго отчитал писателя: *«В моем доме прошу не выражаться»*...

До Веры, кстати, у Набокова были короткие романы с двумя еврейскими девушками. Третий роман затянулся на всю жизнь. Эмигрантская жизнь была совсем не похожа на жизнь петербургскую, дореволюционную. Например, Евсей Слоним вовсе не был в восторге от такой партии для дочери. Это в России Набоков был бы завидной

партией - аристократ, голубая кровь. Слоним как коммерсант понимал, что здесь, за границей, писательство обеспеченности совсем не гарантирует.

Но Вера была девушкой своевольной, совета отцовского не спрашивала. Однажды они просто пришли ужинать к ее родителям, и Вера как бы невзначай проронила: *«Нынче утром мы поженились»*.

Легко ли быть женой гения?

Набоков продолжал заниматься малоприбыльным репетиторством. Вера Набокова всяческую неустраиваемость быта терпела. Всю жизнь, по сути, они провели в меблированных комнатах, а когда маленького сына Митеньку знакомые спрашивали, где он живет, он отвечал: *«В маленьких домах около дорог»*.

Набоков не любил писать за письменным столом, предпочитая диван или ванну. *«Лолиту»* он написал на заднем сиденье их «бьюика», за рулем которого сидела Вера. Вместе они проехали по маршруту Гумберта Гумберта едва ли не через всю Америку, ночуя в мотелях, позже гениально им увековеченных. Затем Вера еще и спасала рукопись от уничтожения: пару раз Набоков в порыве гнева собирался выбросить ее в мусоропровод.

Набоков не только не умел водить машину. Еще в первые дни их семейной жизни он составил шуточный список вещей, которые он не умеет, и никогда не научится делать. А именно: водить машину, печатать на машинке, складывать зонт, беседовать с обывателями, говорить по-немецки (за столько лет жизни в Германии этот способный, можно сказать, гениальный в отношении языков человек, не удосужился выучить немецкий, потому что тот ему претил).

Все это до конца жизни за него делала Вера. И еще она работала. Даже когда писатель Сиринов стал знаменит, их берлинские доходы были по-прежнему скудны. Вера работала в адвокатской конторе: до последних дней она помнила тот адский труд, когда ломит спину от машинки, стенографии, перепечатки, переводов и - в придачу - тошнит от немецкой тупости, пошлости, канцеляризма.

А Набоков занимался своим - романами. В череде романов родился их единственный сын Дмитрий. Поначалу Владимир Владимирович был немного огорчен тем, что Вера занята ребенком, и он не может ей диктовать. Жаловался, что это тормозит работу. Но сын есть сын, он был славный - сплошное очарование.

Уже были написаны *«Отчаяние»* и *«Защита Лужина»*, когда диктатором Германии стал Гитлер. Запылали костры из книг, открылись первые концлагеря, начались погромы. Из Берлина надо было бежать - еврейское происхождение Веры не оставляло выбора. На последние деньги Набоков отправил семью в Прагу, а сам попытался устроиться во Франции.

А вскоре появилась причина, из-за которой писатель не торопился воссоединиться с Верой и сыном. Причину звали **Ирина Гваданини**. Барышня была дивно хороша собой, чувственна, знала уйму стихов. Других достоинств не наблюдалось. На жизнь она зарабатывала дрессурой и стрижкой пуделей - странный выбор для эстета Набокова.

Об увлечении мужа стало известно Вере, и она прервала его метания: *«Раз уж так влюблен, поезжай к ней»*. Спустя несколько недель Владимир вызвал ее и сына во Францию, сделав окончательный выбор в пользу семьи.

И снова бегство от немецких захватчиков. Теперь их приняла Америка, и хотя писатель был совсем не рад месту преподавателя литературы в женском колледже Уэлсли, выбирать не приходилось.

Сам он говорил, что, втолковывая молоденьким простушкам русские стихи, *«приколачивает гвозди золотыми часами»*. Однако Фортуна не оставила скитальца - Набоков получил место в Гарвардском музее, где изучал бабочек. За несколько лет он стал

уникальным специалистом по бабочкам-голубянкам, его достижения никто не смог превзойти.

А потом распахнул свои двери Корнельский университет, где писатель получил славу самого эксцентричного преподавателя. Он ненавидел Достоевского и нередко рвал его книги в клочья на глазах у публики.

«Не скрою, мне страстно хочется развенчать Достоевского», - говорит Набоков в начале своей лекции о писателе. Достоевский, на взгляд Набокова, - *«дешевый любитель сенсаций, вульгарный и невоспитанный»*, который так и не смог избавиться от влияния сентиментальных романов и западных детективов. А *«Преступление и наказание»* - *«ужасающая тягомотина»*.

Доставалось **Томасу Манну** и **Эриху Марии Рильке**. *«Крошечный писатель, писавший гигантские романы»*, - такой нелестной характеристикой наградил Набоков Томаса Манна. Даже самый известный рассказ немецкого писателя не заслужил его похвалы: *«Смерть в Венеции»* - *глупость. Читать ее шедевром - невероятный бред»*.

Свою порцию колкостей получили **Михаил Зощенко** и **Александр Солженицын**. То он требовал от студентов досконального знания текстов, то вдруг снисходительно заявлял: *«Жизнь прекрасна. Жизнь печальна. Вот и все, что вам нужно знать»*.

И всюду его сопровождала Вера - поседевшая, но по-прежнему стройная красавица с алебастровой кожей. Супруг же заметно сдал, располнел, она вела его под локоть, неся стопку книг. Усаживала Автора и садилась рядом. Она сидела в первом ряду или где-нибудь поблизости, и взгляд Набокова-профессора был неизменно направлен на нее. По сути, все лекции были прочитаны Вере.

Он называл ее ассистентом. Вера помогала ему во всем, иногда даже принимая экзамены. Во время занятий, когда он забывал цитату (а забывал он их постоянно), Вера молниеносно подсказывала ему. Она раздавала буклеты, манипулировала классной доской, писала мелом. К старости они поистине стали единым целым: он и часа не мог провести без жены ...

Вся ее жизнь была деломпроизводством. Обладая уникальным свойством упорядочивать и корректировать тексты безболезненно для Набокова, она много лет «перебеливала» его рукописи - переводила из письма в печатный текст. Часто он просто диктовал ей.

Вдохновительница и помощница, Вера могла и отменить появление нового текста - к примеру, ей не понравилась идея романа о сиамских близнецах, который должен был стать апофеозом набоковской «мании двойников». Могла она и спасти от небытия погребенный под черновиками и трудами по энтомологии роман - Bend Sinister. Набоков совсем забыл о нем, все лето посвятив ловле бабочек.

Она же предложила перевести «Евгения Онегина» на английский, при этом сама проделала огромную работу, перепечатав текст на трех тысячах листах.

В их бытовой жизни имелись просто потрясающие детали. Набоков так и не научился пользоваться телефоном. Он не мог разговаривать не только с обывателями, но и со всем остальным миром. От его имени всегда говорила Вера, а он стоял рядом с аппаратом. Она вела переговоры с издательствами и уговаривала издателей идти на уступки, выбивала гонорары. Вела его переписку, ограждая от желающих познакомиться. Гений не имеет права добродушно потакать праздному желанию многих.

Она писала письма, а Набоков их подписывал или просто одобрял. Многие ее письма начинались с уловки: *«Владимир начал это письмо, но вынужден был в спешке переключиться на что-то другое и попросил меня продолжить...»*

Вера была отлаженным механизмом, призванным поддерживать его Дар. Они оба были тружениками, но разного направления. Набоков рождал миры, населял их, заставлял жить. Вера - упорядочивала, выметала лишнее, чистила, скребла, выставляла напоказ. Она давала ему ощущение стабильности и основательности жизни. Естественно, что при этом

Набоков сам не испытывал никакого интереса к обыденной реальности: скажем, к преподаванию и издательским делам.

Существует версия, что именно Вера вынуждала его ходить на лекции, поэтому и сопровождала его всюду. Набоков неоднократно подчеркивал, что ему необязательно возвращаться на родину, в полицейское государство: его Россия всегда была с ним - мир его детства, сын и Вера, которая создала комфортную оболочку из схожести вкусов, любви к словам, чуткости к красоте и чистоте языка.

И хотя схожесть их вкусов была не такой уже абсолютной, они оба обладали цветовым восприятием языка, любили игры, но в то же время в отличие от Набокова Вера увлекалась политикой, живописью, театром. Его же затащить на спектакль было невозможно. Он терпеть не мог домашних животных, и Вера развешивала у себя в комнате фотографии кошек и собак, принадлежащих друзьям.

Вера Набокова, урожденная Слоним, как утверждали очевидцы, была лучшей в мире из писательских жен. *«Без мой жены, - заметил однажды Набоков, - я бы не написал ни одного романа»*. Они вместе прожили 52 года.

Последний приют - вечный покой и вечное счастье

Уже отшумели скандалы вокруг спасенной от огня «Лолиты», которую сначала объявили порнографическим романом, а затем превознесли до шедевра. Набоков был богат, известен и больше не желал оставаться в Америке. Здесь он не приобрел даже собственного дома - единственный дом навсегда остался в России.

Последним приютом Владимир Набоков избрал Швейцарию, отель «Палас» на берегу Женевского озера - там водились изумительные бабочки. И надо же, именно бабочки ускорили его уход. Погнавшись за одной, Набоков упал и сильно ударился о камень. Проболев два года, он навсегда покинул этот мир. Последними словами в полубреду были: *«Некоторые бабочки, наверное, уже начали взлетать»*.

Вера пережила мужа на 14 лет. Наверное, она рассердилась бы, узнав, что на ее могиле напишут: *«Жена, муза и агент»*. Она скорее чувствовала себя его тенью.

Тенью гения, потому что Набоков – это целая оркестровая композиция, прекрасно, божественно звучащая множеством красок и несколькими мотивами одновременно. Каждая нота на своём месте, каждый инструмент выполняют свою скромную - или нескромную - роль. Совершенство, которое музыкальные бездарности, разучившие три аккорды и на этом остановившиеся, не смогут ни оценить в полном масштабе, ни воспроизвести хотя бы фрагмент.

Фрагмент... Набоков хорош в каждом фрагменте, но сложенные, звучащие эхом друг друга, они представляют собой неповторимую ценность. И если есть на свете музыка книг, то один из главных её дирижёров - это, разумеется, Набоков.

Сам он навеки остался в Монтре, деревушке Кларанс. Под роскошным голубым камнем, на котором написано «Vladimir Nabokov еcrivain (писатель) 1899-1977». Ни креста, ни портрета. Зато башня тонет в винограднике, а на другом берегу – ледники, снежные вершины, секвойи. ...Женевское озеро с неутомимыми бабочками. Вечный покой и вечное счастье

ЛИТЕРАТУРА:

Его произведения:

1. **Набоков В.В.** Собрание сочинений русского периода в 5 томах.- Симпозиум, 2000.

2. **Набоков В.В.** Избранное / Набоков Владимир; Предисл. А. Люксембурга. - Ростов н/Д : Феникс, 1998. - 471 с., ил. - (Всемир. б-ка поэзии).

В сборник вошли все основные стихотворения В.Набокова, включая юношеские и поздние англоязычные.

3. **Набоков В.В.** Защита Лужина: Роман / Набоков Владимир Владимирович. - М.: Современник, 1989. - 126 с.
  4. **Набоков В.В.** Машенька; Король, дама, валет; Защита Лужина; Подвиг; Отчаяние / Набоков Владимир Владимирович; Сост., предисл. В.П. Старк. - М.: Слово/Slovo, 1999. - 581 с. - (Пушкин. б-ка). - Ин-т "Открытое о-во"; Комментар.: Стр. 571-580.
  5. **Набоков В.В.** Стихотворения и поэмы / Набоков Владимир Владимирович; Сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В.С. Федорова. - М.: Современник, 1991. - 573 с., ил. - (Феникс. Из поэт. наследия XX века). - Примеч.: Стр. 539-561., в пер.
  6. **Набоков В.В.** Избранное / Набоков Владимир; Предисл. А. Люксембурга. - Ростов н/Д: Феникс, 1998. - 471 с., ил. - (Всемир. б-ка поэзии).
- В сборник вошли все основные стихотворения В.Набокова, включая юношеские и поздние англоязычные.*

О нем:

1. **Александров, Владимир Евгеньевич.** Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / Александров Владимир Евгеньевич; Пер. с англ. Н.А. Анастасьева; Под ред. Б.В. Аверина, Т.Ю. Смирновой. - СПб.: Алетейя, 1999. - 313 с.
2. **Анастасьев, Николай Аркадьевич.** Феномен Набокова: Кн. для уч-ся / Анастасьев Николай Аркадьевич. - М.: Сов. писатель, 1992. - 318 с.: ил.
3. **Басинский, Павел Валерьевич.** Русская литература конца XIX - начала XX века в первой эмиграции: Пособие для учителя / Басинский Павел Валерьевич, Федякин Сергей Романович; Ин-т "Открытое общество". - 2-е изд., испр. - М.: Академия, 2000. - 525 с.
4. **Берберова, Нина Николаевна.** Курсив мой: Автобиография / Берберова Нина Николаевна; Вступ. ст. Е.В. Витковского; Комментар. В.П. Кочетова, Г.И. Мосешвили. - М.: Согласие, 1996. - 735 с.: ил
5. **Бойд Брайан.** В. Набоков: Русские годы: Биография / Бойд Брайан; Пер. с англ. Г. Лапиной. - М.; СПб.: Независимая газета; Симпозиум, 2001. - 695 с. - (Биографии).
6. В.В. Набоков: Указ. лит. опубл. на рус. яз. в СССР, России, странах СНГ и государствах Балтии / Авт.-сост. Г.Г. Мартынов; Б-ка РАН; Набоковский фонд; Вступ. ст. В.П. Старка. - М.: Фолио-Пресс, 2001. - 494 с., ил.

Предлагаемый указатель-первый в России свод источников, посвященный одному из крупнейших писателей XX в.

7. В.В. Набоков: pro et contra: Личность и творчество В. Набокова в оценке рус. и зарубеж. мыслителей и исследователей: Антол. / Сев.-зап. отд-ние РАО; РХГИ; Сост. Б. Аверин и др.; Комментар. Е. Белодубровского и др. - СПб.: РХГИ, 1999. - 975 с., портр. - (Рус. путь). - Библиогр.: Стр. 927-967. - Примеч.: Стр. 868-927.

В первый том двухтомника "В.В. Набоков: pro et contra" вошли избранные тексты В. Набокова, статьи эмигрантских критиков и исследования современных специалистов, которые могут быть полезны и интересны как для изучающих творчество В. Набокова, так и для широкого круга читателей

8. В.В. Набоков: pro et contra: Материалы и исслед. о жизни и творчестве В.В. Набокова: Антол. Т. 2 / Северо-Запад. отд-ние Рос. акад. образования; Рус. Христиан. Гуманит. ин-т; Сост. Б.В. Аверин. - СПб.: РХГИ, 2001. - 1057 с. - (Рус. путь). - Библиогр.: Стр. 976-1027 (827 назв.). - Имен. указ.: Стр. 1030-1057.

В издание вошли материалы о жизненном и творческом пути В. Набокова в исследованиях как российских, так и зарубежных набоковедов.

9. **Видадь С.** Женщина, которая создала Набокова/Сесар Видадь/Пер. Хуана Кобо.- М.: РИА «Новости», 2002.
10. Владимир Набоков, властелин стиля// Психология.- 2008. - №10.
11. **Ливри А.** Физиология Сверхчеловека. Введение в третье тысячелетие. СПб/ Анатолий Ливри.: Алетейя, 2011. - 312 с.

10. Литература русского зарубежья: 1920-1940. Вып. 2 / РАН; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Отв. ред. О.Н. Михайлов. - М. : Наследие, 1999. - 328 с. - Имен. указ.: Стр. 318-327.

11. **Меерсон О.** Набоков - апологет: Защита Лужина или защита Достоевского? // Достоевский и XX век. Под ред. Т. А. Касаткиной. В 2 томах. Т. 1. - М.: ИМЛИ РАН, 2007. Стр. 358-381.

12. **Михайлов, Олег Николаевич.** Литература русского Зарубежья / Михайлов Олег Николаевич. - М.: Просвещение, 1995. - 431с.

13. Петербург в русской литературе: Хрестоматия 9-11 кл. /Сост.М.Г. Качурин, Д.Н. Мурин, Г.А.Кудырская. - М.: Интерпракс, 1994. - 633с. - (Программа "Обновление гуманитарного образования в России). - Коммент.: Стр. 550-627.

14. **Проффер, Карл.** Ключи к "Лолите" / Проффер Карл ; Пер. с англ. и предисл. Н. Махлаюка и С. Слободянюка; Послесл. Д.Б. Джонсона; Оформ. А. Пожванова и О. Попова. - СПб.: Симпозиум, 2000. - 303 с.

К. Проффер (1938-1984)-известный американский литературовед-славист, основатель легендарного издательства "Ардис", публикующего произведения русской литературы на западе,-много сделал для изучения и популяризации творчества В. Набокова. Его книга "Ключи к "Лолите"(1968) стала первым детальным исследованием самого известного романа русско-американского классика. Проффер подробно рассматривает многочисленные литературные аллюзии, на которых строится "Лолита", анализирует стилистические приемы Набокова и с наблюдательностью литературного сыщика расследует детективные хитросплетения сюжета. Лишенный академизма, труд К. Проффера, впервые переведенный на русский язык, будет интересен как старым почитателям, так и новым читателям Набокова

15. **Рассадин Станислав Борисович.** Русская литература: от Фонвизина до Бродского / Рассадин Станислав Борисович. - М.: Слово/Slovo, 2001. - 288 с. - (Большая библиотека "Слова").

16. **Рейтман, Марк.** Знаменитые эмигранты из России : Очерки о россиянах, добившихся успеха в США / Рейтман Марк. - Ростов н/Д : Феникс, 1999. - 318 с., ил. - (Ист. силуэты). - Прил. к журн. "Отечество": краеведческий альманах.

И. Сикорский, Юл Бриннер, Е. Блаватская, В. Набоков, С. Рахманинов, И. Стравинский, В. Леонтьев - вот только часть звездных имен, вошедших в эту книгу. Попав за рубеж, они оказались на грани выживания. Но сила воли, талант, вера в свои силы не дали им сломаться, а, наоборот, помогли подняться на, казалось бы, недостижимую высоту и прославиться на весь мир.

17. **Салиева Л. К.** Риторика «Дара» Набокова. Реконструкция изобретения. - М., 2005.

18. **Хасин Григорий.** Театр личной тайны : Рус. романы В. Набокова / Хасин Григорий. - М.;СПб.: Летний сад, 2001. - 189 с. - (herbarium). - Библиогр.: Стр. 184-188.

Книга дает не столько литературоведческий, сколько философский, в самом широком и почти забытом смысле, подход к прочтению Набокова. Корреспондируясь с новыми и новейшими трудами по теории повествования (Бахтин, Женетт), с "классической" (Лейбниц, Спиноза) и экзистенциальной (Сартр) философией, эта работа, при всей академической строгости и доказательности, полна азарта исследования и постижения живого набоковского текста

19. **Шраер Максим Д.** Набоков: Темы и вариации / Шраер Максим Д. ; Пер. с англ. В. Полищук при участии авт. - СПб.: Академический проект, 2000. - 376 с., ил. - (Современная западная русистика; Т.31). - Библиогр.: Стр. 350-366. - Примеч.: Стр. 303-349; Имен. указ.: Стр. 367-375.

Книга американского автора Максима Д. Шраера - оригинальное исследование различных аспектов поэтики и биографии Набокова, до сих пор остававшихся мало изученными. Основанная на архивных материалах, вводящая в научный оборот множество доселе не известных документов, книга в то же время написана легко и увлекательно.